

Д. СТАРЫЙ
В. ГУРОВ



ИМПЕРАТОРСКИЙ
МЕХАНИЧЕСКИЙ
ЗАВОДЪ

ПРОШКА ПАРОВОЗ 2

Денис Старый

Прошка-Паровоз 2

«Автор»

2026

Старый Д.

Прошка-Паровоз 2 / Д. Старый — «Автор», 2026

Опытный рабочий, всю жизнь прошедший за станком, приходит в себя в теле худого мальчишки Прошки — бесправного работника паровозного завода. Калуга. 1887 год. Грязный цех, ременные передачи, грубый инструмент и начальство, которое привыкло списывать свой брак на слабых. Для них Прошка — мальчишка для побоев. Но теперь в этом теле — старые руки, рабочий глаз и человек, который видит: каждая ошибка здесь пахнет не только маслом, но и чужой выгодой. Металл можно выправить. Станок можно настроить. А тех, кто делает брак нарочно, придётся разобрать по винтику.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Прошка-Паровоз 2

Глава 1

Калуга

8 мая 1887 года

Игнат ушел. Я оглянулся и, не найдя никого подсматривающего, присел на корточки. Потом, насколько можно незаметно, я забрал кольцо себе в карман.

И как же на самом деле распирало продать его, отдать деньги матери, поправить свое положение. Колечко-то может и не самое дорогое, но рубликов до ста будет стоит. Наверное, я же не интересовался по чем нынче золото.

И ведь можно сказать, что Демьян потерял кольцо. Он же его не передал. Так что... Без вариантов. Себя уважать не буду. Я отдам украшение, но когда сам решу.

Усмехнулся сам себе, резко развернулся и шагнул в дом. С глухим стуком задвинул деревянный засов. Повернулся к матери. Внутри еще кипел адреналин, взгляд был тяжелым, чужим, сканирующим. Она ахнула, побледнела и инстинктивно отшатнулась, судорожно осеняя себя крестным знамением.

— Вылитый батька... — выдохнула она с истовым придыханием. В ее дрожащем голосе диковинно сплелись первобытный ужас и отчаянная бабья радость от того, что в доме, кажется, появился настоящий хозяин.

— Присядь. Нам нужно серьезно поговорить, — ровным, не терпящим возражений тоном скомандовал я, властно указав на хлипкую лавку.

— Да погодь ты со своими разговорами! — матушка вдруг засуетилась, всплеснув руками, словно пытаясь отогнать эту пугающую взрослую тяжесть. — Ты поглянь лучше, с этим что делать?...

Она растерянно показала в угол.

— Что такое? — произнёс я, уже сам шагая туда, куда она показывала.

— Дак железо тебе принесли. На починку! Матрона Адольфовна уже разнесла по соседкам, и сороки на хвосте донесли, что ты у меня мастер золотые руки... Что любую вещь починить можешь. А ты... можешь?

Последнюю фразу она произнесла с некоторым недоверием, но одновременно с такой жалкой, щемящей надеждой, что мой холодный запал моментально погас. Я понял: она опасалась, что я, мальчишка, наврал всем с три короба, а выполнить не сумею. Что тогда?

И одновременно думала: а если сумею? И ничегошеньки она не услышит, пока я не успокою её. А для того стоило бы и самому посмотреть, что там.

В углу тесной, пропахшей сыростью комнаты и вправду высилась груда металла. Пока что — просто грязного, ржавого, мертвого железа. Я подошел ближе, опустился на корточки и провел ладонью по холодной меди. Из этого хлама можно было вытянуть жизнь. И деньги. Можно просто починить и вернуть хозяевам за плату. Но удовольствуются ли чинёным добром подруги Матроны Адольфовны? И не лучше ли предложить им вместо этого... именно что деньги?

В можно провернуть схему: взять на реализацию. Пообещать, скажем, полтину вон за тот убитый, сплюснутый с боков самовар с вырванным с мясом краником и гнутым вентилем...

В голове уже сами собой крутились чертежи. Я могу выточить недостающие детали на заводе. Никакой запредельной механики, никаких высокоточных станков или особых умений

здесь не нужно. Чистая слесарка. Выправлю медь, запаяю швы, нарежу новую резьбу. Я это сделаю. И вполне возможно, что для них это будет выглядеть самым настоящим волшебством.

Ведь как бывает? Зачастую вся «поломка» — это банальный засор в трубке, который достаточно пробить шомполом, или кусок ржавчины, намертво заклинивший вентиль. И из-за такой малости отправлялся неработающий светильник или закисший самовар в дальний угол чулана до лучших времен. А то и вовсе на свалку.

Игнат тут пока не помощник, а вот Ульянов — он работник способный. Впрочем, и с ребятами Игната ещё надо познакомиться толком. Фантазия развернулась: вот она, наша ремонтная бригада, а если ещё придумать что-то вроде личного клейма на исправленные, доведённые до ума вещи... Люди заговорят!

Погруженный в эти мысли, я еще минут двадцать потратил на сортировку. Перебирал руками холодный, грязный металл — то, что натаскали соседи. Оценивал масштабы. Заказов было много, руки уже чесались от предвкушения настоящей работы, и я твердо решил, что прямо сегодня, перед сном, оживлю хотя бы одну железяку.

Но тянуть с главным было нельзя. Я вытер испачканные сажей и ржавчиной руки о тряпку и медленно выпрямился.

— Мама, — негромко, но резко нарушил я тишину. — Поверь, я слов на ветер не бросаю и работу осилю. Вот только теперь такое дело пошло...

Я глянул на улицу, примерно туда, где давеча стоял, стараясь надавить на сестрицу, Демьян.

Да Демьян ли мой самый страшный враг? Или Эраст? Нет, и не он...

Мать поймала этот взгляд и вздрогнула, выронив из рук полотенце. Я не стал больше ждать и спросил:

— Если вам с Настей придется уехать из города на некоторое время... Есть куда податься?

Смысл сказанного дошел до нее не сразу, но когда дошел — матушка изменилась в лице. Кровь мгновенно отхлынула от ее щек, сделав их пергаментно-белыми. В глазах полыхнула суровая, отчаянная решимость загнанной в угол волчицы.

— Что?! И ты туда же?! — выдохнула она, пятясь от меня. — Не пущу! Отец твой... перед тем как его... перед тем как умереть, слово в слово то же самое говорил! «Уезжайте», говорил! Не пущу тебя, слышишь?! Брось всё, что ты там себе удумал! Брось немедленно! Я не... Ты не... А-а-а-а....

Ее голос сорвался на высокой ноте, переходя в глухую, болезненную истерику. Я смотрел на нее и всё понимал. Рана от потери мужа, который вот так же предвидел беду и пытался сберечь если не себя, то хоть семью, всё еще кровоточила.

Сжав зубы, я подумал о бате. Жаль, что его сейчас нет рядом. Опираясь на память этого тела, я уже убедился, что человек он был стальной породы, достойный и правильный. Такой союзник мне был бы сейчас нужен как воздух. Вдвоем, спина к спине, мы бы свернули этим ублюдкам шеи. Но его нет. Я один.

И сделать это мог только я. Нет, не отец, и уж верно не тот Прошка, что родился у этих людей и вырос хилым парнишкой, не способным ничего противопоставить сильным мира сего, для которых был букашкой. Пропадёт под сапогом — никто и не увидит его. Останется без хлеба — никому дела нет. А и погорит целый завод — наплевать.

— Ох, Про-о-ошка, что ж ты удумал, да как быть нам... — всхлипывала мать на одной ноте.

Я отошёл от неё метнулся к столу, но там не было пусто, только стояли тарелки и лежал вилочек капусты. Подошёл к полке — вот она, маленькая склянка. Сейчас же писать!

— Здесь почему пусто? — в каком-то отчаянии вскрикнул я. — За что ни схватишься, ничего нет!

Раздался особенно громкий всхлип, а потом причитания вдруг прекратились.

— Ты... ты почему на меня кричишь? — жалобно, по-детски вдруг спросила матушка.

И тут меня накрыло. То ли это сработали остаточные инстинкты моего юного реципиента, то ли моя собственная, глубоко запрятанная человечность пробилась наружу... Но я вдруг ощутил нестерпимое, щемящее желание подойти и просто обнять эту уставшую, перепуганную женщину. Зарыться лицом в ее пахнущие хлебом и мылом волосы.

Это было правильное желание. Зачем ему противиться?

Я шагнул к лавке, опустился перед ней на одно колено и крепко обнял маму, прижимая к себе. Она зарыдала в голос, вцепившись напряженными пальцами в мою рубашку.

Я гладил ее по спине, физически ощущая, как бьется ее отравленное страхом сердце. Я понимал ее боль. Но так же ясно я понимал и другое: я уже занес ногу над чертой. Рубикон пройден. Как только Буримов и его псы поймут, что я ломаю их планы, что они просто-напросто не могут меня понять и просчитать, потому что я не забитый подросток, они начнут действовать на уничтожение.

И я не могу позволить себе воевать, постоянно оглядываясь за спину. Я не смогу делать то, на что решился, не смогу выпустить внутреннего зверя, если буду знать, что за соседней дверью прячутся мои женщины. Мне нужны развязанные руки. Никаких уязвимых точек в радиусе поражения.

Я дождался, пока ее рыдания стихнут, уступив место тяжелому вздоху. Почувствовал, как наступает та самая неизбежная стадия принятия неизбежного.

— Так что, мама? — тихо, но настойчиво повторил я свой вопрос в макушку. — Есть ли нам куда вас спрятать?

Одной рукой я обнимал её, а второй с лёгким стуком поставил пустую чернильницу на стол. И, надеясь отвлечь её, а потом между делом всё же спросить о главном, спросил:

— И чернил мне достанешь ли?

Знал ли я, что после этого она зарыдает с новой силой, то и дело вскрикивая:

— Как отец ведь! Всё как отец... За ним следом мой Прошенька захотел...

Наверное, каким-то странным женским чутьём мама догадывалась — та отцовская записка не зря стала последней в его жизни, хоть адресата и не нашла. И теперь при одном упоминании чернил она так разошлась, что долго ещё не могла успокоиться.

На её слёзы вышла Настя, прижалась к нам с другой стороны. Так мы и замерли. Потом мама затихла, отстранилась, вытерла лицо тыльной стороной ладони и посмотрела на меня глазами, в которых плескалась вековая женская тоска.

— Да куда ж я поеду, сынок... Как я тебя тут одного оставлю?

А вот сейчас ее голос прозвучал уже не так убедительно. Ослабел запал, она поняла, что не может сопротивляться — не то моим решениям, не то злему року, как это, наверное, ей виделось. Я, с моим взрослым опытом, читал ее реакцию как открытую книгу. Было видно: матушка лишь просит меня предоставить ей такое оправдание, чтобы очистить собственную совесть. Ей нужно было, чтобы решение принял мужчина.

— Мама, — мой голос упал до глухого, вибрирующего полупшепота, который бьет по нервам сильнее крика. — А я ведь себе не прощу, если Настя пойдет не по любви, а достанется этому извращенцу. И, возможно, убийце. Я не допущу этого. И тебе, как мужчина в этом доме, строго наказываю: думать забудь, что такой исход вообще возможен. Ты должна понимать одну простую вещь. Если Настя достанется Буримову, ты потеряешь не только ее — она ведь до конца своих дней возненавидит тебя за то, что мать ее не защитила. Ты потеряешь и меня.

Я сделал паузу, глядя ей прямо в глаза.

— Потому что я буду защищать ее до последнего. Пока дышу. И либо я убью его, либо его псы прикончат меня.

В комнате повисла тяжелая, вязкая тишина. Лишь за окном уныло завывал ветер. Это была немая, переломная сцена. Материнский взгляд вдруг неумовимо изменился. Она смот-

рела расширенными глазами, словно пелена спала, и видела перед собой не своего вихрастого, нескладного мальчишку Прошку, а взрослого, жесткого, готового на кровь мужа — Прохора.

И нет, я совершенно не боялся. Не думал, что она распознает во мне чужака. Просто прямо сейчас эта измученная женщина — к которой я, к своему собственному удивлению, начал испытывать настоящие, глубокие сыновние чувства — осознала, что ее сын окончательно вырос.

— Ты же сама на днях жаловалась, — я немного смягчил тон, переходя к прагматике, — что работа тебя больше не держит. Что на мануфактуре расценки срезали. Двадцать копеек за целую смену, где ты спину гнешь и руки в кровь сбиваешь! Это имело бы смысл, если бы мы умирали с голоду. Но такого больше не будет. Я на заводской зарплате. Скоро выбьюсь из учеников в подмастерья. А там уже будут платить по-взрослому. Пусть не как главному мастерскому, но достаточно, чтобы мы жили по-человечески.

Я резко выбросил руку в сторону угла, где громоздилась гора принесенного соседями добра.

— Поверь, я никому не лгал, не приукрашивал. Это и вправду живые деньги. Так что за заработок не трясись. Да уже и к ночи ты увидишь, какого толку добыю. А ты пока вспомни и скажи мне, от кого какая вещь пришла, и кто из хозяев сможет заплатить достойно. Завтра поутру соберешь починенное, разнесешь, забереешь плату. Я сверху еще рубль из своих добавлю — и уезжайте. Срочно.

Я не стал снова спрашивать, куда, подводя так итоги, я дал ей решать этот вопрос. Какой-то ответ у человека ведь всегда есть. И вот матушка судорожно вздохнула, опуская плечи. Сопротивление было сломлено.

— К тетке твоей поеду... В Подольск, — тихо, как бы пробуя план на прочность, произнесла она. — Давно ей обещала, что в гости нагряну. Да вот только всё стыдилась, что гостинцев племянникам не на что справить... А они-то живут — не чета нам, богато. У нее мужик на железнодорожной станции старшим мастерским служит...

— Вот и отлично. Уж какой-никакой, а гостинец на собранные деньги купите, — с глубоким удовлетворением кивнул я. — А там, глядишь, как обоснуюсь, пошлю к вам надежного человека с деньгами. Не оставлю в беде, так и знай. А в Подольске вам будет спокойно. Туда ничьи длинные руки не дотянутся, никакие Буримовы вас там не найдут.

Настя, всё ещё стоявшая здесь, спрятала лицо мне в плечо, будто ей только что сделали самый дорогой подарок на именины.

А внутри меня словно лопнула туго натянутая струна. Прямо как каменная глыба с души свалилась. Я осознал, что с завтрашнего дня буду нести ответственность исключительно за свою собственную шкуру. Охранять уязвимых близких в эпицентре назревающего конфликта — это адский труд, выматывающий физически и, главное, сковывающий морально.

Защитнику всегда бьют в слабое место. Теперь же, когда семья будет выведена за скобки исчезнет с доски, мои руки будут полностью развязаны. Можно хладнокровно планировать, как обезопасить себя и как перегрызть глотки врагам.

— Мама, — напомнил я и о другом вопросе, — что же с чернилами? Есть у кого из соседей взять взаймы хоть каплю? Мне одно письмо написать нужно. Срочно.

Мать снова дернулась и всхлипнула. Но тут мне ответила Настя:

— Я найду..., — и, повернувшись к матери, добавила: — Проша дело говорит. И нам с тобою нужно ему верить.

Матушка выдавила слабую, смертельно уставшую улыбку. Улыбку женщины, которая наконец-то позволила себе побыть слабой, передав руль.

Она вышла за дверь, а я остался стоять посреди лачуги, скрестив руки на груди. В голове холодными шестеренками проворачивался план. Пока что самый верный, безопасный и чистый путь — это анонимное письмо. С полной, грамотной и сухой выкладкой всего того коррупци-

онного болота, что творится на заводе. Директор — мужик жесткий. Если получит фактуру с цифрами и именами, он просто обязан будет хотя бы попытаться копнуть. А если копнет — дерьма всплывет столько, что мало не покажется.

Я был уверен в одном: директор нашего завода — фигура монументальная, куда более значимая, чем какой-то местечковый криминальный элемент Буримов. Ну пусть он мимикрирует под предпринимателя, я то понимаю, что один из моих недругов — самый что ни на есть бандит.

Говорят, директор и в столичные министерства вхож, и к самому Императору доступ имеет. Для такого человека открыть любую дверь в Калуге с ноги — не проблема. Буримова он может раздавить, как клопа, просто ради поддержания дисциплины.

Ну, а если анонимка не выстрелит... Что ж, тогда перейдем к грязным методам. Завтра дворовые шпионы Игната разбегутся по городу и начнут собирать информацию. У такой мрази, как Буримов, шкафы должны просто-таки ломиться от скелетов. Всплывут обиженные бабы, кинутые поделщики, неучтенные деньги. И тогда в ход пойдет шантаж, провокации и подставы.

Но... господин Мальцов. Что это за фигура? Конкурент, тоже вхож и даже в родственных дальних отношениях, с императорской семьей. Владелец Людовского Паровозного завода, так же локализованного тут, в Калуге. Кто из директоров сильнее? И не получится ли так, что они войну между собой вести не станут.

И тогда что? Проще задавить ту мелочь, что вставляет клин в дружбу двух капиталистов. То есть... меня.

Но все равно нужно пойти сперва самым логичным путем, а потом уже искать обходные. Но, как говорится, на войне все средства хороши. А я, судя по всему, только что объявил этому городу свою первую персональную войну.

Глава 2

Калуга

9 мая 1887 года

Три часа я возился с холодным, перемазанным сажей металлом. Был почти уверен: стоит мне только закрыть глаза и уснуть, как приснятся возмущенно ругающие меня самовары, закопченные масляные лампы и ворчащие вполголоса пузатые лампы. Среди этого хлама лежала еще и сломанная механическая обезьяна. Починить ее сразу я так и не смог, только подивился, каких только чудес не сыщется у местных хозяйшек. А найду сегодня в цеху подходящую пружинку — и она запрыгает как миленькая.

— Обещай мне, братик, что с тобой всё будет в порядке, — тревожно просила Настя, когда я прощался с ней и мамой.

— Всё со мной будет хорошо, — ответил я. — Вот уедет одна прелестница, перестанет смущать своей красотой чужих мужей, и заживем спокойно.

Может, упрекать сестру было и справедливо. Шлейф самых настоящих преступлений и жестоких злодейств тянулся вовсе не от нее, а от самого завода. И всё же моя Настена умела так невинно вильнуть бедрами, что мужики за ее спиной были готовы немедленно перегрызть друг другу глотки.

Интересно, а Элеонора Рудольфовна так умеет? Приказывать себе не думать о ней было совершенно бесполезно. Если запретить себе думать о розовых крокодилах, то они и в облаках будут мерещиться, а тут... вовсе даже не крокодил. И стоило моему мозгу хоть на секунду освободиться от решения насущных задач, как перед глазами тут же всплывал образ строгой, но необыкновенно очаровательной учительницы.

Я торопливо ополоснул лицо холодной водой и теперь говорил на ходу, перехватывая ломоть ржаного хлеба с нарезанным тонкой соломкой салом:

— Всё, вот вам рубль с полтиной. Больше у меня пока нет. Но я знаю, что мама свои тоже собирала. Вот, эти все не берегите, забирайте тоже. Я еще обязательно заработаю. И еще... Утром придут заказчики, верните им вон то.

Я указал рукой в левый от себя угол. В полумраке тускло поблескивали вычищенные бока спасенных вещей: два самовара, две большие лампы и масляный светильник. Поначалу казалось, что поломки в них просто аховые, краше на свалку несут. Но на деле всё решалось просто: где-то выправить вмятину, где-то плотнее подогнать резьбу, а где-то просто хорошенько счистить нагар да капнуть масла. Как, впрочем, обычно и бывает в любой мастерской, даже в моем родном будущем. Если человек толковый, то вот он дунул, плюнул — и заработало.

— Всё, я побежал! — бросил я, привычным жестом ощупывая внутренний карман широкого отцовского пиджака.

Плотный конверт с письмом был на месте. Мать тут же бросилась меня обнимать, но я мягко вырвался из ее рук. Терпеть не могу такие проводы, словно меня уже в гроб кладут. Нет уж, мы еще повоюем. А если припрет — то и в прямом смысле воевать буду. И тут далеко не факт, кто окажется сильнее. Как известно, старина Кольт давно уравнил шансы людей.

Я быстрым шагом двигался к заводу, прорезая утреннюю прохладу. Моя главная задача на сегодня — прийти задолго до гудка и незаметно пробраться к кабинету директора. Должен же он, наконец, отреагировать на то, что творится у него под носом! Ведь если тот заказ, который мы сейчас исполняем, не будет отправлен в срок, для всех Главных паровозных мастерских наступят поистине черные времена.

Зато Людиновский завод господина Мальцева, несомненно, начнет процветать, да как — с невиданной силой. Конкурент и сейчас чувствует себя весьма вольготно, несмотря на то, что этот жирный заказ на паровозы был отдан именно нам.

Так, по крупницам, я и собирал информацию. То уловлю обрывок разговора мастеровых, то ещё какая сорока на хвосте принесет. А дома обитали целых две такие «сороки». Уж пусть простят, но они, словно мощный пылесос, жадно всасывали абсолютно все слухи в округе. Наверное, от недостатка иных развлечений. Уверен: живи Настена в моем будущем, давно стала бы топовой блогершей — или как там еще называют этих бездельников.

— Твою дивизию... — сквозь зубы процедил я.

У ворот проходной маячил знакомый силуэт. Тот самый околоточный стоял, явно поджидая именно меня. Бывают и нормальные полицейские, преданные своему делу, но только не этот. А к этому оборотню хотелось обращаться исключительно как к «мусору». И это при том, что я, несмотря на молодость, ни капли не адепт блатной романтики.

Но и просто так теперь не уйдешь. Ситуация читалась легко: свин Эраст явно уже пожаловался своей «крыше», а точнее — надсмотрщику. По-любому этот мусор состоял в сговоре с Буримовым, а через него — с Мальцевым с Людиновского завода.

Глубокий вдох. Выдох. Мысленно приказав себе сохранять ледяное спокойствие, я твердым шагом направился к проходной.

— Иди сюда, сучонок, — еще метрах в двадцати злобно прошипел шакал в полицейской шкуре.

Будь на моем месте другой пацан, он бы уже дал деру, только пятки бы сверкали. То, что я не отводил взгляда и уверенно шел навстречу, изрядно смутило мента. Он остановился. Уставился с тяжелым прищуром, будто старался разглядеть во мне кого-то другого.

Умей он анализировать ситуацию и мои поступки, давно бы понял: стелиться под кого-либо я не собираюсь. Но люди живут стереотипами и ложным мышлением. В его картине мира долговязый и пока еще тощий подросток (надеюсь, скоро мяско всё-таки нарастет, фигура раздается в плечах) ничего не мог противопоставить мужику в форме. Надел погоны — значит, море по колено, все обязаны кланяться. Но это не так. По крайней мере, я — это не все.

Впрочем, и лезть в открытую драку с представителем закона я не собирался. Пусть он подлый, но пока на нем мундир — он власть. Дашь по уху — мгновенно загремишь в околоток. А за решеткой я лишусь возможности двигаться по карьерной лестнице, не решу ни свои, ни семейные проблемы. О том, чтобы что-то изменить в стране, можно будет и вовсе забыть.

Почти поравнявшись с околоточным, я сделал резкий ложный выпад вправо. Мент рефлекторно дернулся туда же, грузно перекрывая путь, но я пружинисто ушел влево. Скользнув у него за спиной, я стремительно проскочил в распахнутые ворота. Гнаться за мной внутри завода он вряд ли рискнет, да и орать вслед не станет. Как-никак, этот заговорщик сам является нарушителем закона и потому боится лишнего шума.

Я уже мысленно праздновал победу, как вдруг прямо в распахнутых воротах, словно специально меня поджидая, навстречу грузно вывалился Скорород. Тот самый хромо́й мужик, который по вечерам запира́л цеха.

— Зашибешь! — усмехнулся сторож.

Я на полном ходу влетел в него и буквально отпружинил от, казалось бы, совсем не мощного тела.

Эта секундная заминка позволила уязвленному и оскорбленному менту нагнать меня и мертвой хваткой вцепиться мне в шкуру. Я тут же резко развернулся и жестко ударил его по рукам, сбивая хватку. Сжал кулаки, внутренне собираясь. Просто так я не дамсь. Да, он облечен властью, но он — не закон. Пусть потом своему начальству докладывает и объясняет, за что задержал или избил заводского работягу.

— Ах ты, сучонок! Ты что, на кулачках со мной помериться вздумал? — хищно оскалился околоточный, надвигаясь на меня.

— Пархом Матвейч, а что ж парень дурного-то сделал? — вдруг вступился Скороход. — Ишь ведь, на работу торопится.

Он спросил это совершенно не своим голосом — твердым, властным. Сам тон этого вопроса заставил меня насторожиться и задуматься: кто же на самом деле такой этот калека, так ли прост ночной сторож?

— Илья, уйди! — мент огрызнулся, но сам себя будто бы оборвал на полуслове.

— А ты, Пахом Матвейч, забыл уговор наш? — с тяжелым нажимом спросил Скороход, глядя полицейскому прямо в глаза.

Я буквально почувствовал, как у меня начинает отваливаться челюсть.

— Ходи и оглядывайся, сучонок, — процедил мент в мою сторону.

— Ну же... Пахом Матвеевич, будет уже пужать. Али нужно погутарить нам после? — сказал Скороход.

— Нагутарились в прошлый раз. Но ты сказал, что я твоих не трогаю, а ты меня, — сказал околоточный, вгоняя меня в глубокую задумчивость.

Да кто он такой?

— Так и есть. Прохор сын товарища нашего. Так что... наш он, — сказал Илья.

— Не твой... но сейчас я уйду. Дальше посмотрим, — сказал мент.

Он развернулся и быстро пошел прочь, причем не к воротам, а куда-то дальше вдоль забора.

Я перевел дыхание и посмотрел прямо в глаза сторожу.

— А вы... кто такой, уважаемый? — прямо спросил я. — Прошу простить, но тут вас... обзывают, тут вы отпор даете околоточному.

— Так все ж в шутку Скороходом и называют, — он снова добродушно улыбнулся. — Поди, и ты слышал. Иди, малец. Не тебе я сейчас добро сделал, а отцу твоему, который мне товарищем был... И не только мне товарищем. А остальное, так и не нужно тебе. Покамест. Мал еще, не поймешь науки.

Товарищем... Это конкретное слово было произнесено с такой специфической интонацией, что я на миг представил, будто нахожусь прямо сейчас на пленуме ЦК КПСС.

Да ладно! Неужели большевики на заводе? Впрочем, я вырос в то время, когда историю КПСС досконально вдалбливали во всех учебных заведениях. И помнил, что большевики как движение оформились только в 1902 году. Но знал я и другое. Сейчас стояло как раз то самое время, когда по стране начинали создаваться различные подпольные марксистские кружки. Я был уверен, что сперва они появились в среде интеллигенции и только позже перекочевали на заводы и фабрики.

Но, видимо, я ошибался...

Скороход снова улыбнулся мне — той самой привычной улыбкой, снова представая человеком слабым, словно самой природой созданным объектом для насмешек, — развернулся и, прихрамывая, побрел вглубь двора.

Да, Скороход меня, вроде как, только что защитил. Но, если подумать здраво, скорее всего, он просто оградил нас обоих от неизбежной драки и ее грязных последствий.

Ведь менту я бы так просто не дался. Да, физически я пока слабоват и наверняка отхватил бы от взрослого мужика пару тяжелых оплеух. Но и отдача для моего обидчика стала бы крайне болезненной — это медицинский факт. А если бы этот шакал в погонах меня еще и недооценил, я вполне мог бы хорошенько ему навалить, а потом технично сделать ноги. И пусть бы он потом краснел, рассказывая своим коллегам по околотку, как его отделал тощий подросток.

Но времени на долгие размышления больше не оставалось. Совсем скоро через проходную на завод массово повалит утренняя смена рабочих. А мне еще нужно успеть незаметно

проникнуть в административное здание, расположенное как раз по соседству с нашим цехом, чтобы подсунуть конверт прямо под массивную дверь кабинета директора завода.

Конверт с тем письмом, что едва ли не огнём горело у меня в кармане. Письмом, написанном на чистом листке бумаги – на котором, как бы то ни казалось странным, уже была кровь.

Я направился к административному зданию. Приготовился пробираться, аки тать, ведь час-то не вполне урочный, но на меня никто не обращал внимания — никаких дополнительных постов здесь не выставили. Вообще это, конечно, забавно: кажется, руководство свято верит, что красть здесь некому и незачем. Вся безопасность держалась на скупающих околоточных, сменных сторожах да местной охране в лице хромого Скорохода. Впрочем, последний, как видно, не так и прост.

Куда сложнее оказалось отыскать сам кабинет директора. Никаких табличек или указателей на обшарпанных стенах не висело. В итоге нужная массивная дверь обнаружилась в самом конце глухого коридора на втором этаже — там, где по законам логики и архитектуры должна была располагаться разве что уборная, а не обитель начальствующей особы. Место-то и верно скромное, но вот дверь... Будто из-за густой пелены в памяти всплыло то, что эту металлическую, кованую и украшенную, в розочках и лепестках из стали, дверь, на заводе и прежде обсуждали.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что перестал красться и жаться к стенам. Вдохнул, расправил плечи и пошел внаглую. Уверенный шаг, прямой взгляд — всем своим видом я демонстрировал, что иду по неотложному фабричному делу. Что я могу и имею право здесь быть. Двое попавшихся навстречу работяг лишь с легким недоумением проводили меня взглядами, но окликнуть не решились. Вскоре я не без труда, но спасибо тому, кто монтировал такую массивную конструкцию и допустил ошибку, просунул свое письмо-доклад под дверь и с легким сердцем зашагал обратно в цех.

Неладное я почувал на самом подходе к своему участку. Сперва периферийным зрением уловил смазанное шевеление в утреннем полумраке, а затем слух резанули неправильные, лязгающие звуки, явно не сулящие заводу ничего хорошего. Кто-то торопливо и скрытно копошился возле огромных паровых установок, дающих привод на станки.

Внутри все подобралось. Для растопки было категорически рано. Ведь даже рабочий день ещё не стартовал, а здесь то ли из-за перебоев с углем, то ли из-за жесткой экономии тяжелые маховики паровых машин начинали раскручивать лишь спустя минут пятнадцать не от начала смены, а после того, как начальство торжественно пройдет по рядам с проверкой личного состава. И сейчас котлы должны были спать холодным сном. Тот, кто возился возле них в полутьме, занимался чем угодно, но только не своей работой.

Я подошёл чуть ближе. И тут тишину цеха разорвали жуткие звуки: сухой треск, глухой разлом чугуна, звон осыпающейся латуни и мерзкий металлический скрежет.

В тусклом свете я успел заметить лишь метнувшийся к задним служебным дверям тёмный силуэт.

Я бросился к головному агрегату – исполинской дремлющей туше, теперь раненой неизвестным. Диверсия была исполнена грубо, но наверняка: в нежный золотниковый клапанный механизм, отвечающий за распределение пара, был намертво вбит тяжелый стальной лом. Бронзовые трубки маслёнок были безжалостно выломаны, а зубчатая передача центробежного регулятора — разбита вдребезги. Попытайся машинист пустить сюда пар, и машина не просто выйдет из строя — поршень вырвет цилиндр, разметав всё вокруг.

Не раздумывая, я вцепился в металлический лом, пытаюсь выдернуть его из шестерней, дёрнул раз, другой, навалился всем весом... И в этот самый момент за моей спиной скрипнула дверь.

Как специально, из административного здания вернулись те самые двое, которые недавно провожали меня удивлённым взглядом. Мы смотрели друг другу прямо в лицо. При этом я как

раз держался за лом, торчащий из искореженного механизма. Бежать я не собирался, но было абсолютно ясно: попал как кур в ощип.

— Сюда! Быстро! Кто-то сломал паровые машины! — во всё горло заорал я.

Мозг работал лихорадочно. Я быстро сообразил, что поговорка «на воре шапка горит» работает не всегда, и в жизни далеко не каждый, кто кричит «держи вора!», является преступником. Так что нужно было брать инициативу в свои руки.

Откуда только все повылазили! Уже через мгновение целых четыре человека бежали в сторону парового отделения. Я был почти уверен, что диверсант не успел уйти далеко.

— Ты что творишь? — услышал я выкрик Рудольфа Карловича, спешащего ко мне. — Сучонок, ты зачем машины разбил?

— Я? Паровые машины разбили! А сделал это либо человек-невидимка, либо... Он ушёл туда, через служебные двери, с другой стороны! — выкрикивал я, яростно указывая рукой направление.

Ну что же они стоят, скорее бежать!

А если я сам побегу в погоню, то... А вот и путь мужики перегородили. А с ними была свинья в человеческом обличье. Слишком он быстро тут оказался.

Это плохо. Выходит, что злоумышленник... не он? Этот свин просто не мог бы так быстро обежать здание и выйти сюда.

— Хватай негодника! — прокричал неожиданно вынырнувший из толпы рабочих Эраст. — Я видел, как он сюда заходил! Это он!

Свин стоял и зло пялился на меня. Настоящая скотина. Меня тут же попытались схватить за руки, но я, невероятным усилием воли и за счет собственной изворотливости, не давался.

— Оставьте меня! Я же не сбегу! — рявкнул я.

Прозвучало это совершенно не моим, не подростковым голосом. Это был рык, с которым взрослые мужики идут в штыковую атаку. Решительный, жёсткий, стальной.

Вот же засада. Я подставился? Нет, меня ждали, меня видели. Но мог уйти. Вот только это мое желание справедливости и чтобы все всегда работало. Но не жалею. Правильно, что полез к машинам. Если бы не я, котлы могли бы и рвануть. Осталось только убедить в этом, как и в том, что я не имею отношения к диверсии, остальных.

От автора:

Он оказался в 1941 году. Враг рядом и нужно сражаться. Потому что он - советский человек конца двадцать первого века. Сильный, умный, беспощадный и милосердный. <https://author.today/work/438284>

Глава 3

Калуга

10 мая 1887 года

Начальник Калужских главных железнодорожных мастерских, Илья Александрович Скорняков, вопреки своему обыкновению, прибыл на службу ещё прежде утреннего гудка. Станки еще не начали раскручиваться, а мастера только-только готовились раздавать наряды рабочим. При других обстоятельствах такое раннее появление начальства непременно вызвало бы глухое недоумение, а то, может, и молчаливый переполох у подчиненных, но только не сегодня утром.

Ступив на брусчатку внутреннего двора, Илья Александрович сразу заметил неладное: у кирпичного здания парового отделения скопилась плотная, злым роем гудящая толпа мастеровых. Не то чтобы Скорняков панически боялся скопления народа, но всё же почувствовал, как выпрямился хребет – будто палку под сюртук вставили, как говаривал батюшка, который хотел сделать из сына эталонного дворянина.

Всё дело в том, у него была идиосинкразия к публичным выступлениям. Каждый доклад высокопоставленному начальству из Министерства путей сообщения вызывал ещё за неделю до срока такую нервную дрожь, которая лишь прибавляла серебра на и без того уже не вороной голове пятидесятирехлетнего управленца.

Скорняков предпочитал вести дела исключительно через узкий круг доверенных лиц — например, кругом отправлять ведущего инженера. К тому же, чего греха таить, в глубине души Илья Александрович мнил себя чуть ли не Рюриковичем, а потому испытывал этакое брезгливо-высокомерное нежелание общаться с «рабочими низами». Чего перед ними показываться вовсе? Есть же на это бумажки, достаточно написать и спустить в цех приказ.

Настроение и без того было паршивым, как говаривал дядюшка, без искры. Скорняков всего два месяца занимал должность начальника мастерских, и ровно столько же находился в Калуге. И вот этим фактом он был крайне недоволен. Чиновничество сейчас судорожно пыталось освоить те баснословные, текущие рекой средства, которые государство выделяло на строительство чугунных магистралей и новых паровозов.

А вот достойных управляющих, способных со знанием дела подойти к казенным подрядам, катастрофически не хватало. Вот профильное министерство и швыряло Скорнякова от одного предприятия к другому, затыкая им дыры и не давая даже возможности толком обжиться на новом месте. Откуда же тут взяться удовольствию от службы?

Воспользовавшись суетой у котельной, Илья Александрович скользнул вдоль глухой кирпичной стены. Постарался пройти так, чтобы его никто не заметил, и это ему блестяще удалось. Тяжелая кованая дверь кабинета, которую Скорняков всё собирался менять, ибо при виде неё тоже морщился, но по другой причине – уж больно от листочков и розочек веяло мещанством, бесшумно отсекала заводской гул.

Скорняков удовлетворенно выдохнул, убедившись, что в приемной нет даже секретаря. Он уже вознамерился с наслаждением распластаться в глубоком кожаном кресле, вздремнуть в тишине, а то и пропустить пару рюмок доброго французского коньяка из пузатой бутылки, надежно спрятанной в тумбе рабочего стола, — поправить, так сказать, расшатанное здоровье. Но взгляд его вдруг зацепился за свернутую бумагу, лежащую прямо под ногами.

— Это еще что за послание? — глухо пробормотал под нос начальник мастерских.

Он брезгливо, двумя пальцами развернул плотный лист и впился глазами в убогий бисерный почерк. По мере чтения брови его медленно ползли вверх, а на губах скоро заиграла кривая ухмылка.

— Вот же не уймешься ты, Сергей Иванович, — с усмешкой выдохнул Скорняков.

Внимательно дочитав послание до конца, он аккуратно сложил лист вчетверо и спрятал его во внутренний карман добротного английского сюртука из толстой темной шерсти. На том Илья Александрович замер посреди кабинета, погрузившись в тяжелые раздумья.

Прочитанное не стало для него особым откровением. Чего-то подобного он и ждал от Мальцова, создателя и истинного хозяина Людиновского завода. Формально империя всё еще принадлежала Сергею Ивановичу, но два года назад правительство отстранило его от прямого управления. Вместо него петербургские чиновники назначили так называемый «Опекунский совет» — якобы для того, чтобы поднять убыточные заводы из руин и решить их финансовые проблемы.

Главный фокус заключался в том, что никаких фатальных проблем на самом деле и не существовало. Казенные заказы на паровозы и вагоны шли исправно, исполнялись качественно и в срок. Просто Сергей Иванович Мальцов, находясь в тени, вел свою собственную, невероятно тонкую игру. И, к глубокому изумлению Скорнякова, на этой виртуозной игре опальный промышленник продолжал делать колоссальные деньги.

Например, почти искусственное доведение собственных заводов до банкротства повлекло за собой такие колоссальные дотации со стороны государства, что даже Скорнякову стало бы совестно. Он бы посчитал верхом неприличия столь откровенно доить казну империи, особенно когда на скрытых счетах предприятия всё ещё оставались солидные суммы, способные погасить почти любой финансовый кризис. Что же касается хваленного Опекунского совета — да, указ о его назначении был подписан, но важные сановники из Петербурга так до сих пор и не соизволили явиться в калужскую глушь, оставив завод на откуп старым схемам.

— И всё-таки ты в чём-то просчитался, — со злорадной, тягучей усмешкой произнес Скорняков, словно обращаясь к Мальцову.

Он плеснул в пузатый бокал добрую ещё сотню граммов французского коньяка. Илья Александрович прекрасно понимал, какую именно партию разыгрывал Мальцов. Вот только даже этот гениальный игрок не смог вовремя прознать о важнейшем государственном заказе. Министерство путей сообщения изначально планировало отдать постройку новой партии паровозов Людиновскому заводу. Но поскольку Сергей Иванович так громко и убедительно жаловался на всех углах на свое катастрофическое положение, испуганные чиновники срочно передали этот прибыльный заказ Калужским главным железнодорожным мастерским.

Так что для Скорнякова не оставалось никаких тайн в том, что именно и для чего творит чужими руками опальный промышленник. Илья Александрович лишь криво улыбался. У него не было ни капли преданности к тому казенному предприятию, которым он сейчас руководил. Не было амбиций возвысить эти мастерские до уровня огромного завода, который жил бы постоянными заказами, а не питался случайными крохами из-за недоработки такого магната, как Мальцов.

Бросив взгляд на початую бутылку, Скорняков решил, что одной-двух рюмки для «поправления здоровья» будет маловато, и тут же плеснул себе еще. Залпом махнув коньяк, начальник мастерских, наконец, почувствовал, как по жилам разливается тепло. Навеселе и даже на каком-то злом кураже он решительно вышел из кабинета.

— В дом к Мальцову! — небрежно бросил он дежурному рассыльному.

Тот сорвался с места и пулей вылетел во двор, чтобы к моменту, когда господин начальник неспешно спустится с крыльца, служебный экипаж уже стоял у проходной, готовый принять своего главного пассажира.

Ну как тут удержаться и не ткнуть Мальцова носом в лужу, им же созданную? Как отказать себе в удовольствии намекнуть, что вся подкованная игра могущественного, пусть и некоронованного хозяина Калуги теперь отлично известна ему, Скорнякову?

И нет, это не было жаждой справедливости. Хороший, честный руководитель на его месте уже строчил бы депеши во все инстанции, требуя прижать конкурента к ногтю и отправляя кляузы в Петербург. Но Скорняков смотрел на ситуацию иначе. Это был его личный, уникальный шанс. Шанс заставить богатейшего человека поделиться своими капиталами в обмен на молчание.

Ни к чему одному человеку этак жировать. А уж он, Илья Александрович, знает, куда эти средства лучше всего пристроить.

Скорняков собирался действовать не ради процветания казенного завода. Илье Александровичу просто до смерти осточертело мотаться по всей европейской части огромной Российской империи. Годами он переезжал с места на место, разгребая дела различных предприятий, чтобы потом снова собирать чемоданы. Ему отчаянно хотелось бросить якорь: купить роскошную усадьбу, осесть навсегда и прожить остаток лет, не зная ни бытовых неудобств, ни нужды в деньгах.

А Мальцов, с его обширными связями, ведущими чуть ли не в самую императорскую семью, вполне мог бы обеспечить ему такую безбедную старость. Нет, Илья Александрович тоже был не лыком шит. Он имел право лично являться с докладом в профильное министерство, да и в ведомстве путей сообщения считался далеко не последним человеком. Но по сути он всё равно оставался лишь казенной гончей — эдаким цепным ревизором-управленцем, которого перебрасывали с одного проблемного предприятия на другое, чтобы хоть как-то наладить расшатанный механизм. И такая собачья жизнь совершенно не устраивала уже немолодого начальника.

Выйдя из здания управления во двор, он сразу, кожей почувствовал неладное. Суета, но странная, нерабочая, висела в тяжелом, пропитанном угольной гарью воздухе. Даже закрыв глаза, можно было ощутить панику мечущихся людей. Только теперь он вспомнил про всех тех людей, что видел, когда приехал. Сейчас лица мастеровых выражали растерянность, но чаще — глухую, тяжелую злобу. Над двором не висел привычный ритмичный грохот металла.

Стало ясно: произошло нечто из ряда вон выходящее, из-за чего весь завод — или почти весь — встал намертво.

Скорняков внутренне подобрался, напустив на себя надменно-строгий вид, заметив, как сквозь толпу к нему спешно пробирается главный инженер мастерских.

Алексей Иванович Широков был именно тем стеновым хребтом, на котором держался весь производственный процесс. Скорняков, когда-то и сам обладавший мертвой хваткой и чутьем сильного хозяйственника, прекрасно видел: без Широкова мастерские рухнут. Илья Александрович даже подумывал «продать» этого талантливого инженера Мальцову — разумеется, если опальный магнат щедро заплатит за одну лишь наводку на столь деятельную натуру.

— Слушаю вас, — бросил начальник мастерских, не сбавляя шага.

— Илья Александрович... — не отдышавшись толком, будто долго бежал, начал инженер.

Прямое обращение по имени-отчеству вместо положенного «господин начальник» резануло слух и вызвало у Скорнякова зубовой скрежет, но он пока что промолчал.

— Кто-то вывел из строя паровые машины, подающие привод на главные механические мастерские. Трансмиссии встали.

Широков замер, явно ожидая бурной реакции. Обычно Скорняков в таких случаях багровел, топал ногами и разносил всех в пух и прах, мастерски играя роль радеющего за казенное дело руководителя (каковым он когда-то, начиная этот путь, действительно был). Но сейчас Илья Александрович лишь холодно прищурился.

— Чего замолчали? Подробности есть? — он продолжил неспешное движение в сторону проходной, заставляя инженера семенить следом.

— Всё очень странно, господин начальник, — понизив голос, быстро заговорил Широков. — Подозрение пало на мальчишку, который только на днях поступил к нам в ученики.

Якобы это он испортил механизмы. Но, признаться, я в это не верю. Складывается стойкое впечатление, что мальчика подставляют. Вот только не могу взять в толк — зачем?

— Вам бы в сыскальной полиции служить, Алексей Иванович. Подозрения, впечатления... — желчно усмехнулся Скорняков, но тут же помрачнел и добавил жестким, начальственным тоном: — Жандармам и в управу не сообщать! Это наше внутреннее дело, нам его и расхлебывать. Зачем нам лишние ищейки на территории? Если улики указывают на мальчонку, значит, виноват он. А вы, вместо того чтобы играть в следователя, извольте бросить все силы на устранение поломки!

Указывать, что нужно делать, Скорняков умел блестяще, хотя давно уже не утруждал себя объяснениями, как именно это следует исполнить.

У самых ворот он на мгновение остановился и, не глядя на инженера, тихо добавил:

— Но если малец со страху начнет говорить да очернять кого-то из мастеров... слушайте в оба. Запоминать каждое слово, но на бумагу не заносить! И доложить мне лично при первой же оказии. А пока я покидаю завод. Буду ли сегодня — неизвестно.

С этими словами Илья Александрович отмахнулся от растерянного главного инженера, словно от назойливой осенней мухи, и уверенно шагнул за ворота, к поджидающему его экипажу.

Начальствующая персона ускорила шаг, оставляя позади стоящего в полном недоумении инженера. Широков был, пожалуй, единственным человеком в руководстве Главных мастерских, кто поистине радел за производство. Он не на казенных бумагах, а на деле бился за то, чтобы у предприятия всё сходилось, всё получалось и работало. Ведь этот неожиданный правительственный заказ был настоящим спасательным кругом. Он мог не просто вытащить мастерские из долговой ямы, но и проложить дорогу к новым подрядам, а значит — к хорошей прибыли и сохранению кадров.

Квалифицированных мастеровых Калуге отчаянно не хватало. Люди Мальцова, словно коршуны, постоянно кружили вокруг, виртуозно вербуя лучших профессионалов. Перемирование рабочих было поставлено у опального магната на поток: на его тайных счетах всегда находились средства, чтобы предложить жалованье куда большее, чем могли позволить себе казенные паровозные мастерские.

Быстро миновав проходную, Скорняков вскочил в поджидавший его экипаж.

— Гони! — коротко бросил он кучеру.

Рессорная коляска рванула с места. Илья Александрович гнал лошадей так нещадно, словно от этого зависела его жизнь, стремясь как можно скорее добраться до логова своего конкурента.

Весенняя резиденция Сергея Ивановича Мальцова располагалась на самой окраине Калуги. Фабрично-заводской магнат предпочитал пережить распутицу именно в этой усадьбе. Вокруг шумел вековой сосновый лес, у крыльца поблескивало гладью небольшое, но живописное озеро. Заливались весенние птицы, воздух был напоен ароматом хвои и оттаявшей земли.

Подъезжая к кованым воротам особняка, Скорняков поймал себя на жгучей, болезненной мысли: вот именно так он и хотел бы жить. В покое, в тишине, в окружении безупречного достатка. И при этом цивилизация рядом. Захотел развлечений — велел заложить экипаж, и через какую-то версту ты уже в центре шумного города.

Для Ильи Александровича осталось загадкой, каким образом Мальцов прознал о его визите. То ли у магната везде были расставлены соглядатаи, то ли сработал телеграф, но хозяин встречал своего нежданного гостя даже не в парадных сенях, а прямо на подъездной аллее, небрежно опираясь на трость.

— Илья Александрович! Искренне рад видеть вас, — глубоким, спокойным голосом произнес Мальцов, первым протягивая руку гостю. — Что же привело вас ко мне в столь ранний час?

По нервам Скорнякова резануло это подчеркнутое «в столь ранний час». Как будто Мальцов заранее знал, что начальник мастерских примчится к нему, бросив всё.

Заметив некоторое смятение гостя, Сергей Иванович снисходительно улыбнулся и указал тростью на экипаж:

— От ваших коней валит такой густой пар, да и бока все в мыле... Явно перенапряглись. Ваш кучер гнал их в три кнута. Да и у вас, батенька, вид донельзя взбудораженный. Словно вы саму смерть в глаза увидели и едва от нее унесли ноги. Что стряслось на вашем заводе?

От такой пронизательности Скорняков окончательно замялся, судорожно соображая, с чего начать разговор и как не выдать сразу все козыри.

— Впрочем, согласен, — продолжил Мальцов, — я веду себя не как радушный хозяин. Держу гостя на пороге, — вот так, с вальяжностью, он перехватил инициативу, плавно увлекая Скорнякова к резным дверям особняка. — Прошу в дом. Я распоряжусь подать закуски. У меня есть отменный коньяк, на днях доставленный прямым из Парижа. А если желаете освежиться с дороги — велю откупорить отличное французское шампанское.

В прохладном холле Скорняков, наконец, взял себя в руки, внутренне подобрался и перешел в наступление.

— Обычно шампанским принято что-то праздновать, Сергей Иванович, — с легким вызовом ответил он, глядя прямо в глаза магнату. — Может быть, вы скажете, какое именно событие мы могли бы сегодня отметить?

— Ваш приезд в мою скромную обитель — уже достаточный повод, чтобы начать утро с бокала игристого вина, — мягко, не моргнув глазом, польстил Мальцов.

Однако Скорняков был калачом тертым и нисколько не обольщался. Он прекрасно понимал: всё это елейное гостеприимство — абсолютно напускное. Хитрый лис Мальцов с первых секунд начал плести свою паутину, стараясь расслабить гостя, затуманить ему разум и сбить с толку, чтобы в безраздельно владеть всем ходом предстоящих торгов.

Внутреннее убранство дома Мальцова представляло собой любопытное зрелище. С одной стороны, гостиная отдавала купеческим размахом: напускная, тяжеловесная роскошь граничила с безвкусицей. С другой стороны, чувствовалось, что хозяин периодически одергивал сам себя, стараясь не так откровенно выставлять напоказ свое несметное богатство.

В центре залы, например, громоздилась основательная французская мебель, обитая мягким, кричаще-ярким бархатом. Но в углу, у огромного окна, было совершенно иное, современное и обставленное с безупречным европейским вкусом пространство: изящные итальянские плетеные кресла и легкий светлый столик.

Скорняков, окинув взглядом этот уголок, мысленно ухмыльнулся. Он прекрасно знал, что калужские или тульские умельцы могли бы сплести мебель ничуть не хуже заморской, а то и лучше. Но фокус заключался в том, что этот гарнитур был заказан Мальцовым в Италии и доставлен в Россию с особой, маниакальной тщательностью, под охраной, исключительно ради статуса.

— Итак, — дождавшись, когда бесшумный слуга разольет коньяк по бокалам, а экономка расставит на столе блюда с пирожными и шоколадом, начал Мальцов. Слуги исчезли, плотно притворив за собой двери. — Что же привело вас ко мне? Если это лишь дружеский визит, то я весьма польщен. Мы могли бы отлично провести время, а к обеду изволим съездить в ресторан. Впрочем... думаю, нам есть что обсудить и помимо светских новостей. Особенно если вы не собираетесь до конца дней своих прозябать на том беспокойном месте, которое доверило вам министерство. Не пора ли, Илья Александрович, свить собственное, надежное гнездо?

Скорняков замер, едва не расплескав коньяк. Он был ошарашен тем, насколько метко, прямо в душу заглянул ему этот человек. Откуда Мальцов мог знать о тех потаенных чаяниях, которые в последнее время изводили начальника мастерских, заставляя его скрежетать зубами по ночам?

— Возможно, Сергей Иванович... Вполне возможно, — глухо отозвался Скорняков, стараясь не выдать волнения.

Они выпили. Коньяк обжег горло благородным теплом. Чтобы занять руки и скрыть нервозность, Илья Александрович взял из хрустальной вазочки конфету. Будучи абсолютно уверенным, что в таком доме подают исключительно бельгийский шоколад, он с наслаждением откусил половину.

— Представляете, а ведь это наш, русский шоколад, от Эйнема, — вдруг усмехнулся Мальцов, внимательно наблюдая за гостем. — Оказывается, и в нашем отечестве умеют делать вещи достойно, если взяться за дело с умом.

— У меня на заводе... — начал было парировать Скорняков, но хозяин тут же поднял ладонь.

— Позвольте, Илья Александрович. У вас не завод, а всего лишь казенная мастерская. Настоящий “завод” — как раз таки у меня. Будьте любезны, давайте называть вещи своими именами.

Мальцов произнес это с приторной, мягкой улыбкой, но интонация его была такой ледяной, словно он зачитывал собеседнику смертный приговор.

— У меня в мастерских... — Скорняков осекся, глубоко вдохнул и мысленно махнул рукой.

Он кристально ясно понял: переиграть Мальцова в словесной дуэли, на его же поле, за этим изящным итальянским столиком — невозможно. Пора было бросать карты на стол. Скорняков пошел ва-банк.

— Впрочем, к чему всё это жеманство, Сергей Иванович. Лучше прочтите вот это.

Он вытащил из внутреннего кармана сюртука свернутый лист и толкнул его по гладкой накладной столешнице к хозяину. В бумаге были подробнейшим образом изложены не просто домыслы, а железные факты тайной и весьма грязной противоправной деятельности структур Мальцова.

Сергей Иванович развернул лист. Читал он медленно, и с каждой строчкой его породистое лицо неумовимо мрачнело. Хозяину усадьбы стоило огромных усилий совладать с собой. На самом деле, Мальцов даже не вникал в столь мелкие технические детали, которые были описаны в доносе. Будучи человеком осторожным, он лишь отдал приказ своему верному цепному псу — некоему Буримову — «решить проблему» с конкурентами, пообещав щедрое вознаграждение. Магнат прекрасно осознавал, что Буримов — бандит, и действовать будет бандитскими методами. Вот только Сергей Иванович рассчитывал, что исполнитель этот окажется осмотрительным достаточно, чтобы не оставить следов. А тут... все факты лежали на столе, словно на блюдечке.

Мальцов медленно опустил бумагу. Взгляд его стал тяжелым, свинцовым.

— Я ни за что не поверю, Илья Александрович, что такой умный человек, смотрящий вдаль и пекущийся о собственном благополучии, решил начать со мной открытую войну, — голос Мальцова звучал тихо, но таил в себе грозную, стальную решимость.

Скорняков выдержал этот взгляд не моргнув глазом. Уголок его рта пополз вверх в хищной усмешке.

— А это, Сергей Иванович, будет зависеть исключительно от того, что именно вы сможете мне предложить за эту бумагу.

Напряжение, висевшее в комнате, вдруг лопнуло. Лед в глазах Мальцова растаял, уступив место откровенному, оценивающему блеску капиталиста.

— Думаю... мы с вами договоримся, — расплывшись в широкой, понимающей улыбке, ответил промышленник.

От автора:

Острые козырьки по-русски! Попаданец собирает свою стаю в мрачном Петербурге девятнадцатого века. От кражи булок до контроля над городом. <https://author.today/reader/519416/4909708>

Глава 4

Калуга

10 мая 1887 года

Скоро, под пристальным контролем со стороны инженера и взглядами работяг, я шагнул в полумрак парового отделения. Здесь все еще пахло горячим металлом, машинным маслом и острой гарью – вся эта смесь у любого заводского вызывала подспудную досаду и тревогу. В тишине остановленного сердца завода мои шаги гулко отдавались от высоких сводов.

Я подошел к искалеченному золотниковому механизму. Стальной лом все так же торчал между разбитыми шестернями. Орудие преступления, брошенное в спешке. В будущем бандиты, наверное, чуть более предусмотрительные.

Я склонился над ним, прищурившись. В тусклом свете газового рожка, пробивающемся сквозь закопченное окно, металл матово поблескивал. Тот, кто вбивал этот лом, делал это с яростью, вкладывая весь вес, всю силу натруженных рук. Он неизбежно должен был оставить следы — ту самую смесь пота и естественного жира, что хорошо научились идентифицировать в двадцать первом веке, кажущемся отсюда неизмеримо далёким.

Ничего, ничего. Никаких тут специальных порошков и сканеров нет, но что-то же есть. Оглядевшись, я заметил на верстаке у стены жестянку с тончайшей графитовой смазкой — почти невесомой черной пудрой. То что нужно.

— Господа, только не мешайте, — я обернулся к одному из своих конвоиров.

Ну или как можно было назвать Рудольфа Карловича, какого-то мужика, тоже в костюме, наверное, инспектора другого цеха, и двух, стоящих за ними, эрастов. Вот же... словно по дресс-коду набирают сюда сотрудников, управленцев среднего звена. Оба пухлые. Правда второй кажется безобидным и смотрит на происходящее, как в кино остросюжетный фильм. А второй... настоящий... три четырнадцать Эраст. Если что, то три четырнадцать – первые цифры числа “Пи”.

— Мне нужен лист чистой белой бумаги и самая мягкая кисть, какую можно найти. Если кисти нет — чистую пуховку или хотя бы кусок сукна почище, потоньше, — сказал я.

Молчание. Естественно, никто не шелухнулся. Такой конвой... прям, как у принца.

— Эраст! Бегом! В твоём хозяйстве поломка! – приказал, да так, что оставалось только леща прописать, инженер.

Свин недоуменно моргнул, но тяжелый взгляд ведущего инженера, заставил его сорваться с места.

Через пару минут требуемое было у меня в руках. Я действовал с ювелирной осторожностью. Набрав на кончик кисти немного графитовой пыли, я начал легко, едва касаясь, обмахивать толстую рукоять лома. Я прекрасно помнил, как схватился за него, и обрабатывал другие места. Раз. Другой. Ну, давай!

На глазах у замерших в дверях инженера и рабочих матовая сталь начала покрываться темным узором. Я чуть отодвинулся, чтобы всем здесь стало видно.

— Господи Иисусе, — выдохнул, приглядевшись, второй смотритель соседнего цеха, крестясь. — Колдовство какое-то...

На металле проступил четкий, жирный отпечаток ладони и, что самое главное, великолепно сохранившийся отпечаток большого пальца. Тот, кто орудовал ломом, имел одну страшную, неопровержимую особенность: папиллярный узор его большого пальца был грубо перечеркнут глубоким, застарелым шрамом в форме кривого полумесяца. Этот шрам разделил отпечаток на две будто бы рваные половины.

— Готово, — тихо сказал я и снова приблизился.

Взял кусок бумаги, аккуратно, чтобы не смазать графит, прижал его к отпечатку, а потом с силой прокатал провёл по нему кулаком. Сняв лист, я получил идеальное, контрастное изображение. Черная печать предательства на белом фоне.

Я вышел из котельной, держа лист перед собой, как щит. Толпа загудела, вытягивая шеи. Эраст презрительно скривил губы, но в его пороссячьих глазках мелькнула тень неуверенности.

— Господин главный инженер, — мой голос разнесся под сводами цеха. — Диверсант оставил здесь свою визитную карточку. Вот она. Узор кожи на пальцах не совпадает ни у одного человека в мире. Значит, это верная примета: у нашего преступника на правом большом пальце есть глубокий шрам полумесяцем. И если вы хотите сказать, что виновен я, то докажите это — мой голос гулко разносился под высокими, закопченными сводами мастерской, легко перекрывая отдаленный лязг металла. — Я же не готов ходить без вины виноватым.

Я замолчал, выдерживая паузу, и в упор смотрел на инженера. А потом добавил потише: — Презумпция невиновности называется.

Тот стоял напротив, машинально вытирая перемазанные в мазуте руки куском грязной ветоши, и просто хлопал глазами в искреннем, неподдельном недоумении. Мой тон действительно звучал менторски — серьезно, до зубовного скрежета деловито. Так говорит человек, который абсолютно точно знает цену своим словам. Профессор столичного университета на лекции, не иначе.

Правильно, так я и хотел. Нет, я не забыл, что смотрюсь пацаном — теперь мне необходимо было их шокировать. Выбить почву из-под ног. Показать, что я не лыком шит и за себя постоять сумею. Пусть физически я пока не могу ответить, хотя и этого в будущем не исключаю, но словом пригвоздить — это и теперь запросто.

— Занятно... — Инженер медленно опустил ветошь. Он чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к работе сложного механизма, и прищурился сквозь круглые стекла очков, покрытые тончайшей угольной пылью. — Вижу-то я перед собой заморыша малолетнего, в чем душа держится... А вот слышу почему-то преподавателя столичного инженерного института.

— Читаю много. Любознательный от природы, — я позволил себе легкую, чуть снисходительную улыбку. — А еще — где что услышу и уловлю, то в голове сразу переосмыслить могу. Кто знает, может быть, перед вами сам Михаил Васильевич Ломоносов. Его реинкарнация.

Шок. Причем абсолютный. Я почти физически ощутил, как повисла в воздухе густая, почти звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным шипением остывающего пара из чрева огромного черного локомотива, стоявшего на путях.

И этот шок читался не только на лице инженера. Чуть в стороне, метрах в десяти от нас, у клепаного бока тендера, стояли и нервно шептались между собой Эраст и Рудольф — их дорогие сюртуки казались совершенно чужеродным пятном среди чугуна и угольного шлака. Но смотрел я не на них.

Там стояла она. Моя учительница.

Элеонора Рудольфовна. Настоящая красотка. Тонкая, изящная, в строгом, но идеально сидящем темном платье, она выглядела здесь, среди грязи, копоти и тяжелого запаха креозота, как диковинный цветок. И это сбивало с толку.

А может, напротив — именно ее присутствие будоражило кровь, побуждая меня вести себя настолько вальяжно, с таким откровенным, дерзким вызовом. Мое поведение казалось настолько странным и необычным для мальчишки, что даже инженер — а по его въедливому взгляду было ясно, что человек он дотошный и умный, — забыл о гневе.

Он явно заинтересовался и теперь хотел посмотреть, что же из всего этого спектакля выйдет. Я видел перед собой человека, который действительно радеет за свое дело. Не просто отрабатывает жалованье, работая на карман, а служит от души, ради удовольствия и неутолимой жажды познания механики.

Но вышло теперь, что говорил я инженеру, а смотрел на нее.

Широко распахнутые глаза Элеоноры Рудольфовны блестели в свете лучей, пробивающихся сквозь мутные окна под крышей и оживляющих танец множества пылинок – угольных, древесных. Не знаю точно, почему она пришла сегодня на завод. Скорее всего, из банального женского любопытства. Слухи о том, что в главной паровозной мастерской Калуги произошло серьезное ЧП, наверняка уже расползлись по булыжным мостовым города, обрастая самыми нелепыми подробностями. Такое шило в мешке не утаишь. Наверное, Элеонора – девушка сердобольная, вот и заглянула узнать, все ли целы из её учеников.

Между тем мне нужно было развивать успех и приводить новые технические доводы в свою защиту.

— Господин ведущий инженер... — начал было я, собираясь перейти к сути поломки.

— Нет, постой-ка, — инженер вдруг шагнул ко мне, его глаза загорелись сухим академическим блеском. — Ты мне вот что скажи: что такое «реинкарнация»? И откуда ты вообще таких слов набрался, шельмец?

Я мысленно чертыхнулся. Увлёкся эффектом, зря вообще помянул Ломоносова.

— Перевоплощение души после жизни, — спокойно ответил я, не отводя взгляда. И тут же добавил, меняя тон на предельно собранный: — Но, если вы позволите, господин главный инженер, я вам об этом поподробнее потом объясню. И не только это, но, например, как сделать сцепку между вагонами гибкой.

— Я уже устал удивляться, — сказал он.

Я постарался как можно более деликатно, но твердо вернуть ситуацию в нужное, практическое русло. Нужно было ковать железо, пока оно горячо.

— А то мы сейчас с вами вместо осмотра котла будем о философии разговаривать, о буддизме и прочих заморских «измах», пока у нас тут на заводе всё окончательно не встанет. Вы ведь не за этим меня слушаете?

Признаться честно, в глубине души я понимал, что ступаю по очень тонкому льду. Я не мальчик – но и не профессор, не инженер. Просто в своей прошлой, будущей жизни я обладал тем, чего эти люди были лишены — доступом к неисчерпаемому океану информации. У меня там были не только тысячи книг, но и интернет — этот великий и ужасный источник как все-ленского зла, так и безграничного добра, а еще телевидение, документальные фильмы, лекции.

Моя голова до самой смерти работала без остановки, впитывая информацию как губка. Здесь же приходилось выезжать исключительно на эрудиции, логике и остатках той, прошлой памяти.

Да, я собирался подниматься шаг за шагом, осваивать этот мир, будто географ или геолог – неизведанные дали. Но теперь уж прыжок совершён, и отступать некуда.

— Господин инженер, давайте отбросим философию и обратимся к голым фактам, — я сделал шаг ближе к огромному, остывающему локомотиву. — Вас не смущает одна крайне важная деталь? Котлы сегодня утром были холодными. Совершенно холодными.

Я выдержал паузу, позволяя собеседнику осмыслить сказанное, и продолжил:

— Правильно ли я понимаю устройство работы паровозной мастерской? Котлы в паровых машинах такого класса могут быть холодными, то есть полностью погашенными, только в нерабочий, праздничный день. Во всё остальное время, чтобы поутру не тратить долгие часы и тонны угля на их растопку и доведение давления до рабочего, их не гасят полностью, а поддерживают работу «на малом огне», оставляя под парами. Верно?

Инженер нахмурился. Угольная пыль на его лбу собралась в полосы. Он медленно перевел взгляд на молчащие стальные громадины, затем снова на меня. Шестеренки в его голове явно закрутились с новой скоростью.

— Ты хочешь сказать, что к этому готовились еще вчера? — в его голосе сквозило уже не раздражение, а профессиональная догадка.

— Так и есть. Их намеренно загасили с вечера, чтобы к утру металл полностью остыл, — кивнул я. — Господин ведущий инженер, я убедил вас в том, что хоть несколько понимаю суть происходящего в этих стенах?

Вот оно, вот для чего мне нужно было заставить их всех замолчать, впасть в онемение. Вот почему я стремился не просто вставить слово, а хорошенько их встряхнуть.

— Да, — медленно, словно взвешивая каждое слово, произнес он. А затем его глаза недобро блеснули сквозь стекла очков: — Как и в том, Прохор, теперь я абсолютно уверен, что ты в мельчайших деталях знал, как именно можно испортить эти котлы.

— Знал. Как и любой мало-мальски начитанный человек, понимающий законы физики, — парировал я, не отводя взгляда. — Но если бы я действительно планировал подобное преступление, я бы уж точно не стал действовать таким, простите, топорным способом. Да вы и сами подумайте: если я останавливал котлы еще вчера вечером, подготавливая диверсию, зачем мне было крутиться здесь сегодня утром? К тому же я видел убегающую фигуру, это раз. А меня самого в момент аварии видели в заводском управлении, это два. У меня есть алиби.

Всё время, пока я выстраивал линию защиты, мне был невероятно приятен взгляд Элеоноры Рудольфовны. Она, вроде бы, скромно держалась в стороне, но, разумеется, привлекала к себе всё внимание. Из-за этого я вдруг поймал себя на неожиданной, удивительно острой мысли: я начинаю ревновать.

В огромном цеху не было ни одного работяги, который бы не глазел на нее, пусть и украдкой, из-под перемазанной сажей кепки или старого платка. Да и как тут не глазеть? Она казалась сказочным видением, случайно забредшим в преисподнюю. Точеная фигурка, затянутая в строгую ткань без узоров, милое, чистое лицо, темные локоны... Настоящий ангелочек. Причем ангелочек с весьма любознательным носиком, которым она сейчас водила из стороны в сторону, стараясь не упустить ни единого слова из нашего с инженером технического поединка.

«Эх, сословное общество...» — с горечью подумал я. Эти суровые, прокопченные мужики, пялящиеся на нее сейчас, эти чумазые парни-подмастерья — никто из них даже в самых смелых мыслях не позволит себе подойти к ней, заговорить, познакомиться. Она ведь из другого мира. И слишком высока эта стена. И, возможно, мне сейчас тоже слишком рано, да и наивно думать о том, что я, простой фабричный мальчишка Прохор, смогу в этот ее мир ворваться. Особенно в моем нынешнем, весьма плачевном положении обвиненного.

Но... почему бы и нет?

Я упрямо сжал кулаки. Я очень надеялся, что в этом закоснелом обществе уровень реальных знаний и живой ум все-таки значат немало. Если только это так — я смогу прорваться. Я просто обязан это сделать. Ради своей семьи, которой нужно на что-то жить. И ради того, чтобы впредь на меня смотрели не как на досадное недоразумение или пушечное мясо, а как на поистине достойного человека.

Человека, достойного ее внимания.

Я сделал глубокий вдох, прогоняя лирику, и снова посмотрел инженеру прямо в глаза.

— Мы могли бы прямо сейчас приступить к расследованию и найти того, кто это сделал, — твердо сказал я, предлагая сделку. — Дайте мне время. Ну а если мне это не удастся... что ж. Тогда я хотя бы буду знать, что вы — человек чести, который дал подозреваемому справедливый шанс доказать свою невиновность.

Вопросы чести в этом времени значили очень много. И, судя по всему, ведущий инженер Николай Иванович был как раз из той редкой породы людей, кто столь серьезными вещами не играет. Неужели я действительно нашел на этом закопченном, пропахшем гарью заводе человека, который просто честно и на совесть трудится? А ведь до этого момента казалось, что здесь собрались лишь те, кто желает целенаправленно навредить предприятию, да откровенные трусы, дрожащие за свои теплые места. Ну и, конечно, вся эта пестрая публика была щедро

разбавлена серой массой обычных рабочих, которым вообще нет никакого дела до происходящего — лишь бы заводской гудок вовремя гудел да жалование в срок платили.

— Мне нужна бумага, чернила и какая-нибудь чистая ветошь, — твердо сказал я, переходя от защиты к активным действиям. — А также нужно, чтобы каждый из тех, кто присутствовал на заводе до аварии и кто еще не успел выйти за его пределы, подошел ко мне. Но начать следствие нужно с конкретного человека.

Я прищурился, даже чуть вскинул голову, вспоминая, и выдал:

— Мужчина среднего роста, чуть пониже меня, плечистый, в возрасте до сорока пяти лет. Телосложение плотное, даже несколько грузное... Сравнительно, конечно.

Произнося это, я не удержался и бросил долгий, выразительный взгляд на Эраста — толстого, обильно потеющего и явно нервничающего господина, который стоял неподалеку. В этот самый момент он как раз о чем-то яростно шептался с Рудольфом Карловичем. Шептался на повышенных тонах, то и дело озираясь и бросая тревожные, суетливые взгляды в нашу с инженером сторону.

Николай Иванович проследил за моим взглядом, нахмурился, а затем тяжело вздохнул.

— Пока полиция не приехала, у тебя есть время. Хорошо, Прохор... действуй, — согласился, наконец, инженер, а потом обратился к инспекторам и смотрителям цехов. — Господа, вам надлежит организовать содействие дознанию.

Впрочем, почему меня так удивляет его согласие? Я говорил уверенно, со знанием дела, не юлил и не лебезил. К тому же исключительная профессиональная и человеческая любознательность этого прирожденного технаря просто не позволила бы ему пройти мимо этой загадки и моих диких способов её решения и не попытаться вычислить настоящего негодяя.

Мне, конечно, хотелось бы верить, что им двигало еще и искреннее желание спасти человека от несправедливой каторги, но... кто я ему? Никто. Бесправный фабричный мальчишка. Так что не будем пока приписывать никому добродетелей, иначе потом будет слишком больно разочаровываться. Пусть пока он остается в моих глазах просто достойным, честным специалистом. И на том спасибо.

Два молодых служащих в форменных тужурках — как я понимал, то ли помощники инженера, то ли недавние выпускники реального училища, прикомандированные к заводу на стажировку, над которыми Николай Иванович взял жесткое шефство, — по одному лишь властному кивку своего начальника сорвались с места.

Они пулей метнулись в контору управления и уже через пару минут, откровенно запыхавшись от бега, притащили целую стопку листов плотной бумаги, чернильницу-непроливайку, перья и чистую сухую тряпицу.

— И, если позволите, еще бы доску какую-нибудь найти гладкую, или железную пластину ровную, чтобы можно было лист бумаги на нее положить и писать на весу, — попросил я, принимая «канцелярию».

— Николай Иванович, вы уж простите, что вмешиваюсь, может, и не в свое дело, но то, что здесь сейчас происходит, мне весьма любопытно. Знаете, кажется, я догадываюсь о том, какой именно метод хочет применить Прохор...

Этот мягкий, мелодичный женский голос заставил меня вздрогнуть. Элеонора Рудольфовна, слегка смущаясь десятков устремленных на нее мужских взглядов, но всё же с поразительным достоинством, подошла к нам вплотную.

В груди предательски защемило. На какую-то долю секунды, в мутной пелене внезапной ревности, мне показалось, что она улыбается именно ему, инженеру! Но нет. Я тут же мысленно одернул себя, отгоняя эту глупость. Такого просто быть не может. Николай Иванович — с виду в высшей степени серьезный, погруженный в свои механизмы человек. А она... она сейчас казалась мне настоящей Снежной королевой, неприступной ледяной принцессой, случайно сошедшей со страниц сказки в эту грязь и копоть. Да и к тому же инженер был глубоко и давно

женат, о чем красноречиво свидетельствовало массивное, стертое по краям золотое кольцо на безымянном пальце его правой руки.

— Пожалуйста, Элеонора Рудольфовна. Вот, сам даже не знаю, какую роль вам в этом деле предложить, — развел руками инженер, чуть смягчая тон. — Происходит нечто презабавное. Если, конечно, не считать совершенно ужасным тот факт, что котлы выведены из строя, и теперь я до конца не понимаю, что мне со всем этим делать.

— Господин ведущий инженер, дайте срок — котлы мы починим, — уверенно перебил его я. — Те несколько деталей, которые злоумышленник повредил и которые нужно вытащить, вполне можно выточить за одну смену. Но сегодня, скорее всего, завод работать не будет.

— Да откуда ж ты такой вообще взялся на мою голову?! — в сердцах всплеснул руками Николай Иванович, глядя на меня со смесью раздражения и невольного восхищения.

Я благоразумно сделал вид, что целиком и полностью поглощен подготовкой к снятию отпечатков, чтобы не отвечать на этот риторический вопрос.

От автора:

Новинка от Василия Седого!

Попаданец в шестнадцатый век.

<https://author.today/work/512772>

Глава 5

Калуга

10 мая 1887 года

Уже скоро всё было готово. Проводить дактилоскопию можно было прямо здесь, в нескольких десятках шагов от остывающей котельной. Затягивать подобную процедуру мне никак не улыбалось: я был абсолютно уверен, что с минуты на минуту, ну или в самом крайнем случае через полчаса, на завод обязательно нагрянут полицейские чины. А кто же должен разбираться с ЧП на стратегическом предприятии?

А уж эти господа, жандармы и околоточные, долго церемониться не станут. Сгребут меня, чумазого фабричного мальчишку, за шиворот, бросят в холодную и, по своему обыкновению, начнут «колоть». Выбивать признание, заставляя подписать протокол о том, что я — это не я, и вообще самый распоследний, злодейский злодей во всей Калужской губернии.

С кого же начать проверку? Снимать отпечатки пальцев у тучного Эраста не было ровным счетом никакого смысла. Этот рыхлый, заплывший жиром и обильно потеющий господин просто физически не смог бы так размахнуться, а потом так ловко и стремительно убежать в предрассветной темноте. Да и тот силуэт, что я мельком заметил в отделении паровых машин, совершенно не совпадал с его грузной, неповоротливой фигурой.

Но в чем Николай Иванович был абсолютно прав, так это в том, что диверсант должен быть человеком достаточно опытным. Да, сама работа по порче механизмов выглядела топорной, суетливой. Но, ведь наверняка далеко не каждый рядовой мастеровой досконально знает, как устроены именно эти сложные узлы паровых машин. А вот вредитель точно знал, куда бить и что крутить.

Но сперва нужно было эти самые отпечатки пальцев добыть на месте преступления...

Когда я аккуратно снял сажевый след преступника с вентиля и вернулся в основное помещение, картина здесь немного изменилась. Рабочие уже притащили два крепких стола и длинную дубовую лавку. Импровизированное рабочее место заводского следователя было полностью оборудовано.

На отдельном стуле, изящно сложив руки и приготовив чистый лист с пером, сидела Элеонора Рудольфовна. И мне, признаться, чертовски понравился тот внимательный, искрящийся неподдельным интересом взгляд, который она то и дело бросала в мою сторону, явно ожидая от меня дальнейших указаний. В эту минуту она была моим секретарем.

— Я бы предложил начать с себя, — громко произнес я, привлекая внимание шушукующихся рабочих.

Взяв приготовленную тряпицу, я густо макнул ее в чернила и измазал подушечки своих пальцев. Сделал я это чисто для наглядности и соблюдения законной процедуры. Хотя в рукаве у меня уже был спрятан неоспоримый козырь, четко указывающий, где и кого именно нужно искать: тот самый характерный шрам на подушечке большого пальца, что предательски четко отпечатался на металле.

Я твердо приложил свой испачканный большой палец к чистой бумаге, оставляя ровный черный след, и положил лист на стол перед инженером.

— Папиллярный узор совершенно иной, — произнес я деловитым, ровным тоном, демонстрируя свой оттиск Николаю Ивановичу и Элеоноре. Учительница тут же подалась вперед, с любопытством вглядываясь в завитушки линий. — И, как вы сами можете воочию убедиться, господа, на моем пальце нет того глубокого рубца, что на пальце злоумышленника. Я считаю это прямым доказательством и потому могу заявить с абсолютной уверенностью: я невиновен. Ну что, продолжим проверку остальных?

— Не будем делать поспешных выводов, пока я не пойму, что мы действительно нашли того, кто это сделал. Прохор, до тех пор ты остаешься главным подозреваемым, — сухо отчеканил инженер, хотя в глазах его не гас ни на секунду живой, неподдельный интерес.

Было видно, что эта игра его захлестнула. Всё же Николай Иванович был человеком азартным. Впрочем, настоящий технарь и изобретатель попросту не может не быть азартным — иначе как вообще двигать прогресс?

«Эх, господин инженер, — хотелось мне сказать ему прямо сейчас. — Знали бы вы, сколько абсолютно новых, прорывных идей относительно паровозов и вагонов я мог бы вам предоставить! Ваше имя гремело бы на весь Советский... тьфу ты, на всю Российскую империю!»

А может, и предоставляю. Дайте только срок. Я-то прекрасно помню простейшие, но критически важные изобретения, которые войдут в обиход далеко не сразу, но со временем станут неотъемлемой частью любого железнодорожного состава. Взять хотя бы надежную автосцепку или пневматические тормоза. Всё это можно воплотить в жизнь и запатентовать без мучительных терзаний и десятилетий проб и ошибок.

— Позвольте, господин инженер, и ваши пальцы откатать? — невинным тоном поинтересовался я, прерывая свои размышления. — Не хотелось бы вас обидеть недоверием, но ведь я и себя обижаю тем самым. Закон суров: если уж речь идет о проверке, пройти ее должны абсолютно все присутствующие.

Можно сказать, что это была моя маленькая, но сладкая месть за его недавнее высокомерие. Всё же юный организм, закипающее сознание молодого парня, а особенно присутствие рядом привлекательной зазнобы — той самой учительницы, чей один только внимательный взгляд будоражил кровь и заставлял играть гормоны, — настоятельно требовали хоть какой-то сатисфакции.

— Каков, однако, наглец! — усмехнулся в густые усы инженер, но всё же послушно закатал рукав суконного сюртука и протянул мне свою широкую, покрытую въевшимися мазутными пятнами руку.

Я быстро и аккуратно сделал оттиск, придирчиво сверил его со следом диверсанта, вслух констатировал, что господин ведущий инженер никак не причастен к саботажу, и даже вежливо извинился за доставленные неудобства. Грубить и дерзить ему мне не хотелось, хотя бы в уплату за всё это любопытство и азарт. Да и зачем портить отношения? Хотя о какой дружбе может идти речь, пока он — господин начальник, а я — всего лишь чумазый фабричный мальчишка Прошка? Разве что только в моих смелых мечтах.

Конечно, узоры не совпадали. Да я и так это прекрасно знал: пока мы разговаривали, я успел внимательно изучить большой палец инженера. Как, впрочем, и руки всех остальных зевак, до кого только мог дотянуться мой цепкий взгляд и чьи ладони не были спрятаны в глубокие карманы порток.

— Однако-с, кем же продолжим? — спросил Николай Иванович, старательно вытирая испачканные чернилами пальцы о тряпицу.

— Позвольте сперва снять отпечатки у мастеровых механического цеха? — деловито обратился я к инженеру.

— Арсений Викторович! — тут же скомандовал он одному из своих молодых помощников-практикантов. — Немедленно приведите сюда всех мастеровых цеха.

Юноша уже развернулся, чтобы со всех ног бежать выполнять приказ, но я его окликнул:

— Прошу простить, Николай Иванович, но не будет ли разумным приставить к уважаемому Арсению Викторовичу крепкое сопровождение?

— Вы что же, полагаете...

Взгляд его блеснул гневом. Я поспешил объясниться:

— Честные люди, надо думать, пойдут спокойно. А вот преступник, поняв, что его вот-вот избобличат, может повести себя непредсказуемо. Загнанная в угол крыса кусается. Не хотелось бы, чтобы в панике произошло еще какое-нибудь происшествие. Возможно, более тяжкое.

Я имел в виду, что может пролиться кровь, но тут же задумался: а этим вот людям что покажется тяжким? Испорченный механизм или же...?

Но Элеонора тут же ахнула, вполне меня поняв, инженер нахмурился и и тут же властным жестом выдернул двух дюжих работяг из плотной толпы зевак. Те стояли метрах в шестидесяти от нас — деталей разговора они явно не слышали, но с жадным любопытством наблюдали за непонятной возней у столов.

Один из вызванных инженером мужиков оказался тем самым моим утренним обидчиком — вернее, грубияном, что пытался зацепить меня на выходе с проходной. Настоящий медведь, а не человек. Рослый, тяжелый, с пудовыми кулаками и суровым взглядом из-под кустистых бровей. Может, он и не обладал навыками армейского рукопашного боя, но одного его грозного вида было вполне достаточно, чтобы мгновенно остудить пыл — ну, например, паникера.

А преступник? Что ж, я сильно сомневался, что диверсант, наскоро испортивший котлы, окажется профессиональным боевиком, решившимся вступить в открытую схватку с таким вот исполином. Охрана у нас была надежная.

— Ну, води их сюда, Арсений, — кивнул инженер помощнику. Капкан захлопывался.

Скоро передо мной выстроились четверо мастеровых из моего родного механического цеха. Деда Матвея я про себя сразу отбраковал. Нет, конечно, и у него пальчики откатаем, если до того дойдет, но вообще-то у меня зрело одно куда более коварное, но крайне интересное предложение к инженеру — снять отпечатки вообще у всех работников завода. Зачем, когда времени в обрез, и все листки не отсмотреть? Так это же базовая психология. Виновный обязательно выдаст себя страхом.

Но пока нужно было разобраться с этой четверкой.

— Подойдите, будьте любезны, сюда, — громко, с невозмутимым, почти чиновничьим видом скомандовал я мастеровым.

— Это с каких пор сопливый мальчонка нам указывать будет? — тут же взвился Матвей Ильич, насупив брови. Однако, встретившись с тяжелым, по-настоящему грозным взглядом ведущего инженера, дед мгновенно осекся и лихо, опережая всех остальных, приблизился к нашему импровизированному столу дознания.

Вот же ворчливый старик. Сказано, надо сделать — значит, надо сделать.

По правде говоря, на первых порах я даже не собирался тщательно откатывать им пальцы. Я лишь цепко смотрел на их руки. Ладони деда Матвея, испещренные мозолями, глубокими трещинами и въевшейся металлической стружкой, я знал уже слишком хорошо. Но для формы посчитал нужным осмотреть его первым, чтобы ни один злой язык потом не смел обвинить меня в том, что я выгораживаю своего наставника и товарища по цеху.

Следом подошли еще двое мастеровых. У одного из них на большом пальце белела старая, затянущаяся царапина — впрочем, такие отметины были здесь почти у каждого работника. На всякий случай я всё же макнул его палец в чернила и прижал к бумаге. Придирчиво сверил. Узоры не совпали.

Я был абсолютно уверен: тот, кто совершил диверсию (если, конечно, он человек неглупый и уже смекнул, чем тут пахнет), должен идти самым последним, максимально оттягивая роковой момент. А то и вовсе постарается незаметно затереться в толпе, чтобы его руки избежали чернил. Впрочем, никто из собравшихся работяг пока толком не понимал, что именно здесь происходит и зачем их заставляют пачкать руки. Наш с Николаем Ивановичем разговор шел без их ушей.

Последним к столу нехотя приблизился четвертый.

— Прошка, а что это ты в начальники у нас заделался? — с кривой, нервной усмешкой спросил меня Данила.

Вот же засада! Как же мне не хотелось верить в ту догадку, которая первой обожгла мозг при виде этого человека! Но факты кричали. Я ведь видел, как подрагивают его опущенные вдоль туловища руки. А еще... рост. Рост был в точности такой же, как у того ночного силуэта. И технических знаний ему наверняка хватало: по заводу давно ходили байки (и я успел их наслушаться вдоволь), что Данилу то и дело привлекали к работе с паровыми машинами. Особенно в те дни, когда единственный толковый специалист уходил в глухой запой.

Всё одно к одному, пугающе идеально.

— Неужто это ты?.. — слова вырвались сами собой, прежде чем я успел прикусить язык. Я поднял на него тяжелый взгляд. — Тебя Эраст заставил?

— Ты, Прохор, не забывайся! Не смей обвинять кого попало! — тут же взъярился на меня Николай Иванович, властно шагнув вперед. — А то я живо лавочку твою с листками прикрою да околоточным велю тебя в участок свести!

А что ж, он как начальник был даже прав: грудью встает на защиту ценного работника, пока его вина не доказана. Вот бы еще и за меня так заступались здесь, да сразу... а не сейчас, когда я, похоже, уже нашел настоящего преступника.

— Покажи свой большой палец, — попросил я.

Голос мой прозвучал глухо, с неверием и отчаянной надеждой — как у того, кто до последнего отчаянно хочет ошибиться, но уже нутром понимает, что ошибки быть не может.

Не знаю, почувствовали ли это остальные, но для меня в этот миг всё вокруг замерло. Время словно замедлило свой ход, звуки цеха отдалились, а воздух стал невероятно плотным и тягучим, как остывающая смола. Я смотрел только на его правую руку.

Элеонора Рудольфовна Циммерманн изо всех сил старалась не показать своего удивления. Старалась, но, к собственному стыду, не могла. А ведь это была неприступная мадемуазель, чей взгляд способен был метать молнии, из-за кого в дворянских собраниях Калуги — да и далеко за пределами губернского города — не утихали жаркие споры. Самые отчаянные бретёры и кутилы заключали пари на весьма нешуточные суммы, гадая, кому же первому удастся сорвать хотя бы один откровенный поцелуй с губ «ледяной Эллы». И вот сейчас эта холодная, блестящая красавица пребывала в абсолютном, растерянном замешательстве.

Взгляд её скользил по всему непритязательному облику этого мальчишки с таким немудреным именем — Прохор, а разум невольно, будто бы против всякого желания, сравнивал этого парня с её без малого наречённым женихом — Аркадием Сабуровым. Свадьба казалась делом решенным, вот только виделась она почему-то не обещанием рая, а надвигающейся неотвратимой грозой, которой Элеонора жаждала избежать всеми силами души.

Однако её отец, Рудольф Карлович, стоял на своем как скала. Он был непоколебимо уверен: с Сабуровыми нужно породниться любой ценой. Подобный шанс, утверждал он, выпадает лишь раз в жизни, и то исключительно благодаря тому, что ему чудом удалось вырастить из дочери настоящий бриллиант — девушку поразительной красоты, блестяще образованную, с безупречными манерами. Правда, с изрядной долей «опасных глупостей» в хорошенькой головке, как снисходительно ворчал отец. И уж не образование ли это новомодное всему причиной...

И одной из таких «глупостей» стал её недавний порыв. Немка по воспитанию и большей части кровей — хотя в их родословной намешалось столько всего, что сам черт сломил бы ногу в дебрях, — Элеонора внезапно, поддавшись витавшему в воздухе духу народничества, решила отдать себя Просвещению.

Именно так, с заглавной буквы и с вензелем.

Она была не одинока в этой лихорадке. В те годы немало барышень из хороших семей, неведомо откуда впитав в себя пьянящий дух жертвенного романтизма, сбрасывали дорогие шелка и устремлялись в душные школы, чтобы нести свет науки, просвещать темный люд.

Но жестокая реальность быстро расставляла всё по местам. Матримониальные оковы брали своё: идеалистки стремительно выходили замуж, их возвышенное мировоззрение разбивалось о быт, навсегда исчезая за плотными ширмами семейных забот и воспитания детей.

И Элеонора Рудольфовна с холодным отчаянием осознала: её ждет ровно такая же участь. Но представить себя законной супругой Аркадия... Этот светский гуляка, прожигатель жизни, даже и не скрывавший своего распущенного нрава, пусть и наследник древней фамилии, подкрепленной весьма солидным капиталом, вызывал у неё внутреннюю дрожь отторжения.

Она не видела, просто не могла вообразить его человеком, способным идти с ней рядом по жизни, рука об руку. Точнее, всё было бы куда хуже: Аркадий не пошел бы рядом. Он бы мчался вперед, гремя кутежами, несясь по дням, ночам, годам, как ошалевший курьерский паровоз, сметающий всё на своем пути. А она... Она осталась бы стоять на перроне. Запертая в золотой клетке, замершая там, где её оставили, скованная обязанностями супруги, она бы лишь молча наблюдала, как неумолимо сужается её мир, как гаснет взгляд и быстро увядает хваленая красота.

Эти мрачные мысли растаяли, когда она снова вслушалась в слова Прохора. Она смотрела на него и решительно отказывалась понимать, что же это нынче такое. Да, где-то в европейских научных журналах о таком упоминали. Узоры на пальцах – как неоспоримая подпись, вот некая новая истина. Может быть, такое открытие и не было столь уж удивительно в этот ревущий клаксонами и щелкающий телеграфами век. Но откуда, черт возьми, эти тонкости мог знать стоящий перед ней простой сын мастерового?

Её пальцы невольно сжались — как же страстно она захотела об этом написать! Зафиксировать эту парадоксальную встречу, перенести её на бумагу. Девушка словно задыхалась от жажды. Да и к чему эти условности — она действительно отчаянно спешила жить, дышать полной грудью, впитывать этот мир, пока не захлопнулась дверь. Она слышала, всё время слышала тиканье этих гигантских часов. Элеонора с пугающей ясностью понимала: не пройдет и года — в лучшем случае, если удастся потянуть время уловками, двух лет, — как её поведут к алтарю. И тогда вся её карьера, вся эта свободная, полная смыслов жизнь, едва-едва успевшая начаться, навсегда превратится лишь в тонкий пепел воспоминаний.

Именно поэтому она никак не могла отогнать зревшее внутри отчаянное, жгучее желание стать теперь же не только, как говорили дети, учительшей, но непременно и журналисткой. Элеонора дала себе слово во что бы то ни стало написать и опубликовать хотя бы несколько статей, чтобы увидели под ними и запомнили её имя, крошечный плацдарм независимости.

Она наивно надеялась, что если ей не суждено стать учительницей, то этот газетный опыт поможет потом уговорить мужа позволить ей писать хотя бы изредка. Пусть останется хоть этот, единственный глоток свежего воздуха, способный хоть немного скрасить её грядущее заточение в суровом, удушливом сабуровском домострое.

В то, что Аркадий, став её законным супругом, позволит ей жить по велениям души и дышать полной грудью, она не верила ни на медный грош. Уж слишком хорошо помнила его сальные, собственнические взгляды; он не смотрел на неё как на личность, он же откровенно облизывался на неё, будто на породистую лошадь или дорогой трофей.

Вполне понятно: чтобы приняли в газету, нужно умение, нужен опыт. Но стоя здесь, Элеонора осознала: нужна ещё яркая искра. Нужен миг, или, как говорят немцы, момент.

Такою искрой станет статья об этом поразительном рабочем парнишке, который среди копоты и заводского грохота не только оперировал теоремой Виета, но и вдохновенно цитировал стихи.

Элеонора искренне, со всем пылом юности считала, что подобный материал произведет фурор. Она хотела доказать обществу: даже и не зная толком, к чему тянется, даже путем слепого самообразования человек из низов способен достичь такой кристальной грамотности, которая сделает честь иному выпускнику классической гимназии.

Но чтобы написать этот шедевр, ей требовалось досконально изучить «объект исследования». Тот самый объект, который в последние дни решительно лишил её спокойного сна.

Уже не однажды в тишине своей спальни девушка с ужасом и трепетом ловила себя на крамольной мысли. Если бы на месте пошлого и откровенно неприятного Аркадия оказался этот молодой человек — пусть нескладный, пусть по-юношески и по недоеданию худой, но такой приятный, возвышенный, до краев наполненный духом подлинного романтизма, — то она бы совершенно точно не стала так отчаянно сопротивляться венцу.

Сейчас Элеонора сидела за грубым конторским столом в амбаре с паровыми машинами, методично вписывая в журнал имена мастеровых, нескончаемой вереницей проходивших университетскую, но необходимую процедуру снятия отпечатков пальцев. Перо скрипело по бумаге, оставляя ровные чернильные строки, а сама она изо всех сил старалась не смотреть на Прохора.

Внутри девушки билось странное разнозвучие, будто в груди появилось второе сердце, такт не соблюдавшее. Когда она опускала глаза и просто слушала его бархатистый, уверенный голос, то с пугающей ясностью понимала: этот мужчина ей бесконечно симпатичен. Но стоило ей поднять взгляд — и чары разбивались вдребезги.

Тогда она видела этот нескладный, изжеванный жизнью и чужими плечами порванный пиджак. Видела дешевые, заношенные штаны не по размеру, висевшие на парне бесформенным мешком, будто у него не было ни коленей, ни мужественных икр. И в груди — предательски, помимо её воли — тут же поднималась волна чисто сословного, брезгливого отторжения.

Поэтому она опускала ресницы. Она слушала. Слушала и с ужасом осознавала, что влюбляется в его голос, в его разум, но не в него самого. Уж слишком велика была эта зияющая внешняя пропасть между ними. Элеонора всегда гордо заявляла подругам, что для неё главное — это внутреннее наполнение человека, богатство его души.

А вот сейчас, сидя за этим столом, она до боли кусала губы, ненавидя саму себя за внезапно вскрывшееся лицемерие. Ведь Прохор был даже и красив лицом, а если не так, то чертовски симпатичен! Но теперь она понимала страшную правду: не только внешность, но и его социальный статус, его нищета имеют для неё колоссальное, почти непреодолимое значение.

Его руки, не знавшие тонкого фарфора и серебра, его худая, да что там, тощая шея, эти пятна на рубашке, которых не вывести ничем и которые он совершенно, абсолютно не замечает, будто и не стыдно ему быть таким...

— Элеонора Рудольфовна...

Она вздрогнула, не сразу вынырнув из омута собственных терзаний.

— Элеонора Рудольфовна, — голос Прохора прозвучал совсем рядом, заставив её сердце пропустить удар. — Великодушно прошу, простите меня, что безжалостно вырываю вас из наверняка очень ценных мыслей. Но не могли бы вы сделать пометку в журнале? Кажется... кажется, мы нашли того, кто напакостничал с паровыми машинами.

Неожиданно для себя самой Элеонора резко встрепенулась. Вскинула голову и впиалась своими расширившимися темно-кариими глазами в лицо парня. Их взгляды сцепились намертво, словно два клинка.

«Боже правый! — пронеслась в её голове отчаянная, звенящая мысль, пока она тонула в его пронзительном, невероятно глубоком и умном взгляде. — Если бы этот человек оказался дворянином... Да пусть даже самым захудалым, лишенным всякого капитала бесприданником! С таким выдающимся умом он бы непременно пробил себе дорогу в жизни. Будь у него лишь капля голубой крови — я бы пошла с ним под венец не раздумывая».

Подумала и ужаснулась.

«Нет, невозможно, аусгешлоссен! Что за ересь!» – тут же стала она размышлять, прогоня наваждение.

«С вами всё в порядке?» — при этом теперь же безмолвно спрашивали её эти невероятно умные, пронзительные глаза напротив.

Элеонора, та самая «ледяная принцесса», вполне способная стать Снежной королевой, та, на чью неприступность делала огромные ставки великосветская молодежь Калуги и столицы, вдруг дрогнула. Впервые в жизни на её точеном лице отразилась столь неприкрытая, растерянная беззащитность, что девушка сама испугалась собственной слабости.

От автора:

Ноябрь 1853 год. Война с Европой начинается. Будущее отныне в руках нашего современника, ставшего генерал-адмиралом русского флота.

<https://author.today/work/333355>

Пишется 10 том.

Глава 6

Калуга

10 мая 1887 года

— Элеонора Рудольфовна, с вами всё в порядке? — тихо, но настойчиво повторил я.

— А? Да... конечно, — торопливо, невпопад откликнулась прелестница, нервно поправляя кружево на манжете.

Я собрал всю волю в кулак. Ни единым жестом, ни мимолетным взглядом я не должен был показать, насколько мне неловко находиться так близко к ней. Насколько отчаянно мне хочется отбросить этот сухой, канцелярский тон и заговорить с ней совершенно о других вещах.

Но дело о диверсиях, в котором я волею судеб стал главным следователем, не терпело отлагательств. Оно было слишком серьезным, и это понимание помогало отринуть эмоции, железной рукой сдавив горло бурлящим внутри гормонам.

В какой-то момент, глядя на неё, я даже цинично подумал: если моему нынешнему молодому организму столь физиологически требуется женщина, то эту женщину стоило бы найти на стороне. Какую-нибудь временную, без лишних обязательств. И нет, в своей прошлой жизни я не был ни ловеласом, ни бездушным пожирателем женских сердец. Просто опыт научил меня одной непреложной истине: с природой бороться бесполезно.

Если не можешь победить процесс — возглавь его. Тому физиологическому зверю, который неизбежно просыпается в каждом здоровом подростковом теле (а моё нынешнее вместилище созрело весьма стремительно), нужно бросить кость. Иначе природа просто затмит разум первобытной тягой к продолжению рода.

Этому «злодею» нужно скормить жертву, иначе в конечном итоге станет физически невозможно думать о серьезных вещах. Качественный детективный анализ, да и банальная, но филигранная работа у станка требуют ледяной выдержки и максимальной концентрации.

Но сейчас передо мной стоял злодей куда более реальный.

— Это что же такое дееся? Это меня, значит, злодеем назвали?! — картинно, с наигранной обидой, но явно нервничая, возмутился мастер Данила. Забегали глазки, затряслась всклокоченная борода. — Прошка, да я ж с твоим батюшкой покойным закадычными друзьями был! Да как же так можно-то, а?! Да я ж тебе, сиротинушке, лично пироги да куличи таскал, чтоб ты с голодухи не помер! А сало...

Я шагнул к нему, глядя в упор.

— За пироги я тебе, Данила, признателен. Искренне. А вот за то, что ты меня подставил так, чтоб мне половину головы обрили и по этапу на сахалинскую каторгу гнить отправили — вот за это благодарности от меня не жди.

Стоявший рядом главный инженер побагровел от гнева.

— А ну, вязать его! — рявкнул он на весь цех.

Ждать дважды не пришлось. Трое дюжих рабочих с превеликим удовольствием, я бы даже сказал, с нескрываемым садизмом, кинулись крутить Даниле руки. Хрустнули суставы, мастера едва не сломали пополам, жестко припечатав лицом к чугунной станине.

— Меня заставили! Братцы, я не хотел! Меня заставили! — истошно завизжал Данила, мгновенно растеряв всю свою спесь, тем самым полностью и безоговорочно подтверждая выводы моего следствия.

Я с великим облегчением выдохнул. Бинго. А вот и чистосердечное признание. Полный комплект для трибунала.

— Но как? Я не верил в эту чертовщину. Прохор, ты же всех нас обманул с этими узорами на пальцах? Просто вынудил признаться Данилу? — спросил инженер.

“А ну-ка, расскажи, мне тоже интересно!” – сказали мне глаза Элеоноры.

— Позвольте после еще раз объяснить, господин инженер, – сказал я.

“Негодяй, мне же интересно!” – так я считал информацию с глаз недовольной учительницы.

Хотелось улыбнуться. Любая ее эмоция относительно меня – все в плюс. Точно не пустое я место для этой красотки. Так что пусть позлится.

— Что здесь происходит, господа?! — внезапно перекрыл заводской шум раскатистый, грозный бас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.